

18+

Дмитрий Завадский

**БУДУ ПОПУЛЯРЕН
ПОСЛЕ СМЕРТИ**

Дмитрий Завадский

Буду популярен после смерти

«Издательские решения»

Завадский Д.

Буду популярен после смерти / Д. Завадский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511788-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Этот сборник стихотворений я хочу оставить на память тем, кто будет вспоминать обо мне, когда меня не станет. Я надеюсь, что хотя бы тогда я смогу стать вашим другом, ведь при жизни, очевидно, не смог. Надеюсь, что при воспоминании обо мне никто не будет краснеть, имея ко мне какое-то отношение. В этом сборнике все мои стихотворения за 10 лет творческого пути... Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-511788-5

© Завадский Д.
© Издательские решения

Содержание

«А внутри меня пустота. Великолепно и так красиво!..»	7
«– А вот раньше ты был другим...»	8
«А в саду пели громче вала, что падал с гор, что падал вниз...»	9
«А в шестнадцать мне мир представлялся иначе...»	10
«А на небе сегодня ни облачка!..»	11
«А что же ты хочешь, дитятко? Принца на звездолете?..»	12
«А что наш мир? Он ведь такой, как и всегда: дурной, завистливый, несправедливый...»	13
«А я все так же веду счеты с кармой...»	14
«Бейся за солнце, бейся за место...»	15
«Бессчетной вереницей дат, окутанных бесчеловечностью и слабоумием...»	16
«Бетонный пол – это грань утешения...»	17
«Будущего не было и нет...»	18
«Бушует страсть, пылает пламя...»	19
«Быть среди нелюбимых детей...»	20
«Быть твоим, ты знаешь, больше невозможно...»	21
«Вдали сверкает изумрудный город...»	22
«Вечер в Италии. Запах вина...»	23
«Видал твоего идола, твоего бога...»	24
«Вместо тысячи слов...»	25
«Все мои грёзы превратились в хаос...»	26
«Всеим приходящим, всем уходящим... В век интернета...»	27
«Все мы любим милых, сильных...»	28
«Все мы надеемся только на завтра...»	29
«Все точно будет хорошо! Все будет так, как ты задумал...»	30
«Все, что было раньше, я уже не помню...»	31
«Все, что искал, я в себе нашел...»	32
«Все эти трудности переживу с улыбкой...»	33
«Встречают по одежке, провожают по уму – а поговорка-то соврала!!..»	34
«Всюду грязь, всюду боль, всюду пыль, всюду шум...»	35
«В обществе странных людей нет прав...»	36
«Вот и выпал снег, на шапку, на асфальт...»	37
«Вы так непонятны, красивые дамы!..»	38
«Где мои друзья?..»	39
«Глупо было бы считать, что я останусь прежним...»	40
«Говорил, что последний стих...»	41
«Говорят, поэт должен быть нищим...»	43
«Гордая птица на краю скалы...»	45
«Город больших возможностей, больших проблем...»	46
«Границ априори нет ...»	47
«Да будут преданы огласке все строки этого прощального письма!..»	48
«Давай же, будь собой, давай, играй свои роли!..»	50
«Да, я готов жить...»	51
«Дворец диковинный предстал пред очами усталого путника...»	52

«День самой грустной радости...»	53
«Десять лет без твоего «привет...»	54
«Дети капучино. Дети глупой мамы...»	55
«Дзесьці щчасце маё згубілася...»	56
«Дикие нравы буйной головы тебя отчаянно выбрасывают вон...»	57
«До боли знакомый маршрут истоптанным кедам не страшен...»	58
«Дует прохладный ветер, мерзнут ночные гуляки...»	59
«Если бы дом мой был стратосферой...»	60
«Если весь мир – театр, то ты не в главной роли...»	61
«Если жизнь автобан, я иду, вероятно, пешком...»	62
«Есть всего два состояния и две вселенной...»	63
«Есть желание складывать губки бантиком...»	64
«Есть тысячи причин, чтобы любить природу...»	65
«Ещё один бесполезно прожитый день...»	66
«Женщине нужен мужчина, как кораблю маяк...»	68
«Жизнь дана для того, чтобы ты успел посмотреть...»	69
«Жизнь не считается со мной, но я ее люблю...»	70
«Жить без усилителей вкуса...»	71
«Забери свое. Просто будь, как все...»	72
«Закон зовет блюсти закон...»	73
«За что тебя любить? За что?...»	74
«Здесь нет любви, и от меня ты ее не дождешься...»	75
«Здесь нет невзгод, здесь нет печали...»	76
«Здравствуйте. Я из страны OZ или как быть мудрым...»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Буду популярен после смерти

Дмитрий Завадский

© Дмитрий Завадский, 2020

ISBN 978-5-0051-1788-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звучит самоуверенно и надменно, правда?

Но только не в моей голове. Я каждый свой пост в социальной сети, каждое свое стихотворение, каждую свою книгу выстрадал и прожил во всех красках, снова и снова возвращаясь на эти белые страницы. Именно потому, что был настоящим, я считаю, что имею право быть на полках книжных магазинов и дать возможность каждому читателю помочь и понравиться своим творчеством.

Никаких контрактов, никаких заказных произведений, никакого подхалимства или лести, чтобы понравиться публике – вот как можно охарактеризовать все мое творчество. Я остался по меркам этого меркантильного мира никем, не заработал себе баснословные гонорары, не прогремел своим именем среди масс, меня не заметили крупные или хотя бы маленькие издательства. Я не посещал никаких курсов писательского мастерства, где людей учат лить в уши не то, что хочется, а то, что удобочитаемо, приятно на слух и продаваемо. Я остался собой. И я прекрасно знаю, что лучше буду работать сварщиком или каменщиком всю свою жизнь, но при этом останусь собой в творчестве. Не все продается и не все покупается. По-настоящему преданный своему делу писатель или журналист прекрасно это понимает, как и умный читатель, как и любой другой человек, не считающий главными вещами вещи.

Этот сборник стихотворений я хочу оставить на память тем, кто будет вспоминать обо мне, когда меня не станет. Я надеюсь, что хотя бы тогда я смогу стать вашим другом, ведь при жизни, очевидно, не смог. Надеюсь, что при воспоминании обо мне никто не будет краснеть, имея ко мне какое-то отношение.

Я был самым разным. Я был настоящим. И самое главное для меня было и есть не просто быть настоящим, а каждый день быть лучше, чем в предыдущий. Мое творчество для простых людей, для таких, каким я сам являюсь. Я самый что ни на есть простой: не обласканный привилегиями, безнаказанностью или несчетным богатством, поэтому мое творчество имеет определенный круг аудитории, где более всего будет комфортно таким же, как и я.

Я отмечаю 10 лет своего творчества. Это большой отрезок пути. Читая свои стихотворения я прекрасно понял, кем я являюсь, и этим хочу поделиться с вами. Мне есть что рассказать...

Приятного чтения, друзья!

«А внутри меня пустота. Великолепно и так красиво!..»

А внутри меня пустота. Великолепно и так красиво!
Пятая ночь, ну почти без сна, я провожу их как-то плаксиво.
А внутри меня жаркий лёд. А внутри ледяное пекло.
Мысли путаются и бьют, и надежды так шатки, блеклы.
А меня предавать легко и отнимать у меня дорогое.
Из дорогого осталось лишь прошлое. Но и там нас порою трое.
Я был искренним, не пустым. Все вложил в тебя, все, что было.
Я не жгу до конца мосты, оставляю и шило, и мыло.
А внутри меня горечь, обида. А внутри где-то так тяжело!
Где-то рана еще не застыла, ноет, колет, как при ножевом.
Заслужил или нет? Вопрос спорный. Может да, только не от тебя.
Я тебя на руках носил, котик, и всегда забывал про себя.
Дай Бог силы тебя подарить. Дай Бог силы тебя оставить.
Дай Бог силы тебя не любить. Дай Бог сердце, прошу, из стали...

«– А вот раньше ты был другим...»

– А вот раньше ты был другим...
Был своим, был чужим, был живым когда-то.

Я измученный пилигрим,
И с трудом вспоминаю о прежних датах.

Помню волосы сжал в кулак,
Помню, думал, что я никогда не осмелюсь.
Помню первый в мозгах бардак,
Помню с правой удары в челюсть.

А вот раньше я был другим.
Помню школьные годы и странное детство.
Маргиналы и Древний Рим,
Сигареты, наркотики, смех с кадетства.

Помню, он тогда вытащил нож,
Но по мне ни разу попасть не смог.
На везение случай тот был похож,
Но на самом-то деле со мной был Бог.

Отвратительный грязный Минск,
Но и в этой картинке моя заключалась вина.
И она мне казалась прекрасной феей из Винкс,
Похотливая часть чужого звена.

Стой. Зачем ты швыряешь карты?
Мне порой что ты делаешь невдомёк.
Ты кого тут пытался садить за парты?
Кому нужен твой серенький огонёк?

Статья два один четыре?
Мне то прошлое вовсе не крутит гайки.

Как противно тут быть в эфире...
Боль писать в интернете. За лайки.

«А в саду пели громче вала, что падал с гор, что падал вниз...»

А в саду пели громче вала, что падал с гор, что падал вниз.
И звон бокалов был всем мил, и жизнь, казалось, процветала.
Смеялся грузчик и водитель самосвала, петлю цепляя на карниз.
Пройдя тысячу раз по сотне миль, ломались люди, отказавшись
начинать сначала.
Изгоем рос среди зверят если не каждый пятый, то шестой,
И редко получалось не сдаваться. А зверям что? Им лишь бы
пободаться.
Дома война – то вЕлят, то велЯт... Домашний враг жесток.
И дома нет у тех ребят, и непонятно на кого равняться...
Шедевр – купюры в кошельках, на шее камни, ожерелья, бусы...
Пороги зря не стоит обивать, решает каждый, опустивший руки.
Бежать, остаться, воровать, не брать – у всех разные вкусы.
Кто-то таскал всю жизнь руками, а кто-то грыз гранит науки
Мужик стакан опустошил и отрешенно прыгнул в бездну.
Толпа гудит, толпа орет, толпа не знает, что случилось.
Толпа на помощь не зовет. С толпой общаться бесполезно.
Толпа всегда нас волочет, только куда, скажи на милость!
«Бесстрашный! Идиот! Придурок! Он совсем поехал! Поделом!
Дурак! Не жалко! Все равно! Ты снять успел? Он был морпехом?»
Для любящих утрата – траур, остальным – лишь повод быть
треплом,
И то, что для одних важнее всякого, другим глумиться не помеха.
Прораба нет, долги исчезли, проблемы больше не волнуют.
Пусть говорят, пусть судят, пусть шипят – да грош цена молве.
И вообще, ушел мужик, и его нет. Чего кричат? Чего лютуют
Просто так принято: обляять нужно каждого. Менталитет!
Вновь в саду пели громче вала, шутили, плакали и ели оливье...

«А в шестнадцать мне мир представлялся иначе...»

А в шестнадцать мне мир представлялся иначе...
Я витал в облаках, размышляя о будущем светлом,
Я разгуливал ночью, грубил и всегда давал сдачи,
Усмехаясь с того, кто меня поучал – я считал их всех пеплом.
(Взял и дунул – рассыпался он, разлетелся, свобода...)
Что подводные камни? Мне завтраком радуга, в ужин – кометы!
Окружала всегда вседозволенность, ласка, забота,
И стихи было легче писать и казаться умелым поэтом!
То ли дело сейчас: кнут работы, предательства, вечная ложь,
Рой кредитов, долги, превращения лучших в знакомых,
Нищета гонит в краску быстрее, чем бьет от абортот дрожь,
Ни во что не поставим родных – их заменим на отдых...
Невтерпеж окрестить себя списанным, сломанным, брошенным,
Как же хочется взять и уехать туда, где я встречу рассвет,
Обещавший дарить мне насыщенный день без непрошенных бед,
Где запрет на wi-fi, овердрафт, соц. пакет...
Проморгаю свое я количество лет, словно даже не жил,
Все пройдет: и обиды, и горе, и боль, зимы сменяются летом.
Я б сломался давно, потерял бы всех-всех, кем еще дорожил...
Помогает держаться наивно, когда представляю об этом:
Мне шестнадцать. И мир, словно розовый мячик,
Я парю в облаках, размышляя о будущем светлом,
Напролет я гуляю ночами, всегда даю сдачи,
Усмехаясь с того, кто меня поучает, считая всех пеплом.
(Взял и дунул – рассыпался он, разлетелся, свобода...)
Что подводные камни? Мне завтраком радуга, в ужин – кометы!
Окружает всегда вседозволенность, ласка, забота,
И стихи так легко писать, словно счастливый поэт я...

«А на небе сегодня ни облачка!..»

А на небе сегодня ни облачка!
Светит солнышко ярко и весело!
Чистит перышко и поет песенку
Птичка мелкая, сидя на веточке.
Расцветает сирень цветастая,
Май принес нам цветы и радость,
И девчата гуляют прекрасные,
Замышляя за шалостью шалость.
Как же пахнет мой милый май!
Попрошу его самую малость
Быть со мной и в самую старость,
А он скажет: возьми и поймай!
Сберегу этот май в своем сердце,
Рассажу в нем цветы от души!
И открою для счастья дверцу...
Да и ты быть счастливым спеши!

«А что же ты хочешь, дитятко? Принца на звездолете?..»

А что же ты хочешь, дитятко? Принца на звездолете?
Две яхты, две виллы, массаж в золотом самолете?
Чего ж тебе надобно, милая? Слитки на шею вешать?
Властью над «челядью нищей» эго свое потешить?
Чего ты хочешь, скажи мне? Ставки твои высоки,
Я знаю. Но ставить по ним мне, увы, не с руки,
В карман только лезу за словом, и денег там нет.
Вокруг же таких, как ты, вертится свет.
Точнее, его дураки. Что тебе нужно для счастья?
Всего-то весь мир? А, может быть, хватит и части?
Чего тебе нужно от жизни? Чтоб был вечно пир?
Чтоб ты у винтовки, а все, что вокруг, это тир?
Мы едем с тобой в троллейбусе. Я для тебя урод:
Нет ни квартиры, ни денег, словом одним – нищесброд.
Нет ни харизмы, ни прелести в пухлом моем лице.
Сейчас я учусь то ли в колледже, то ли хожу в лицей.
Меня не волнует мода, я не лелею кумиров,
Ко всякому человеку научен идти только с миром.
Но я для тебя урод, изгой с чувствительным сердцем,
В которое ты побрезгуешь приоткрывать даже дверцу.
Итак, мы едем в троллейбусе, живем мы в одном районе.
Ты спишь на обычной койке, вечером ешь макароны.
Мама твоя – бухгалтер, папа – простой инженер.
Откуда амбиции, дитятко-революционер?
Да, эталоном не быть мне. Не знаю, куплю ли авто.
Но ты ведь сама-то, дитятко, тысячу раз никто!

**«А что наш мир? Он ведь такой, как и всегда:
дурной, завистливый, несправедливый...»**

А что наш мир? Он ведь такой, как и всегда: дурной, завистливый, несправедливый.

И каждый задержавшийся в нем просто гость, считающийся местным.

Наш мир: бетон, залитый кровью и сырые стены, свежерытые пьяницей могилы,

И если у тебя все хорошо, то это значит, у тебя проблемы.

«А я все так же веду счета с кармой...»

А я все так же веду счета с кармой:
В квартире запираюсь, мыслью тешусь – станет лучше завтра,
Но все так же все холсты пусты и время битвы, но я с холостыми,
но все равно пройду чьи-то посты...
Ноет сердце и болят старые раны, но старый волк покажет всем
опять улыбку на экране.
Эх, рано мне страдать! – еще во мне не заблистал Есенин,
И не увидел мир картины Рембрандта, но, к сожалению, плохой
из меня Моисей.
Быть может подождать? Пожну же что посею.
Рассеянный я: мимо бежит весь мир, а я вращаюсь и мне кажется,
что он на месте крутится.
Вложу-ка я опять что-то сюда – а может кто-то купится...
– Тук-тук! – стучится карма мне в окно квартиры, мол, – вылезай,
нашла ориентиры!
С издевкой медленно пробормочу:
– А что на этот раз наметим?
– Опять не густо, ведь за старое ты не ответил!
Пустые тары просветят огненные фары – насквозь людей могу я
видеть – кармы подарок.
Опять снятся кошмары.
И я бегу по мостовой и вижу огненные блики: горят святых святые
лики, исчез куда-то постовой...
А я ведь говорил им: если трудно, значит просто вой!
Желтая пресса – но толку нет от слов, что не имеют веса!
Сгорело все дотла – я видел многих тут живых, но живых в котлах.
Не удивительно, что я сижу в депрессии:
Меня гнев от беспомощности много лет преследует, как Сталина
репрессии.
Видел, как снял одежду фрик, но глупо верю: есть на свете
настоящий Санта.
И где-то между промелькнет надежда: вдруг все будет лучше
завтра?
Пока у меня есть надежда изменить все – есть смысл на завтра
наставлять будильник.

«Бейся за солнце, бейся за место...»

Бейся за солнце, бейся за место,
Борись до конца, сдаваться нельзя!
Бейся за правду во имя протеста,
И если ты слабый, мы не друзья.
Бейся, как волк, бейся, как лев,
Бейся, как будто в последний раз!
Бейся до талого и насовсем,
Бейся за них, за себя, и за нас!
Ты можешь проигрывать тысячи раз,
Но с проигрышем не смиришь.
Бейся не ради красивых фраз.
Надейся. Терпи. И борись, борись!

«Бессчетной вереницей дат, окутанных бесчеловечностью и слабоумием...»

Бессчетной вереницей дат, окутанных бесчеловечностью
и слабоумием,

Полно твое существование, где составляющая большинства
тщетного бытия – вой в полнолуние.

Ты хочешь ведь не просто пирога кусочек, тебе нужен шведский
стол!

И вся беда лишь в том, что кто-то тоже его хочет!

Бушующий шум выросшего штиля по шкале достиг отметки
в «сто»,

Итог враждующих увековечен и отточен: всегда кто-то герой
обочин.

Жизнь так устроена, что каждому отведена его особенная роль,

И каждый должен находиться строго в упорядоченных рамках.

Надеюсь, ты давно уж понял, отчего так много войн,

Как оказалось счастье счастьем рознь...

Как жить, когда сосед купил такую иномарку?!

«Бетонный пол – это грань утешения...»

Бетонный пол – это грань утешения,
А у меня такое редко бывает, но жестко.
Ты думаешь, я не в ответе за все те решения,
Что принял, будучи нервным подростком?
Ты ошибаешься, дядя. Ошибаешься, тетя.
Дело не в возрасте, дело не в карме.
Дело в чем-то мне неподвластном, о чем вы все врете.
Клад ведь ищут совсем не по карте...
Да, я мир ненавижу. Людей презираю,
Вернее натуру людскую. Она мне противна!
Я тот, кто я есть, я ни с кем не играю,
И вера в цитаты наивна.
В моем цирке, иль парке, иль прочем отстойнике,
Нет ни красок, ни грима, ни кайфа,
Нет чести. Как в лавке посудной громят чашки слоники,
Стоя на месте. Беги от меня и не возвращайся!
Оставшимся что посулят? Как всегда:
Отчитал и ушел, как священник в грехах.
Жизнь – река пересохшая. Зато совесть чиста.
Нет, вранье! – перебыю впопыхах.
Странно, у всех тут любовь все спасет,
В животах кружат бабочки.
Точно спасет? Хорошо!
А у меня в животе лишь разбитые лампочки...
Не ныряй в мой мирок, если хочешь найти приключения.
Ты совсем не поймешь то, о чем я пишу.
Может болен, иль нет. Ты нырнул? Будь уверенней:
Захлебнешься. Если выживешь – я задущу.

«Будущего не было и нет...»

Будущего не было и нет.
Посмотри, ты же просто тварь.
Я давал тогда тебе обет —
Он сгорел, будто бы фонарь.
Будущего не было и нет.
Знаю точно: люди все говно.
Люди лишь источник бед,
Но им на это все равно.
Будущего не было и нет.
Я хочу, так хочу быть всегда один.
Унеси подальше бред,
Что твой рот мне тут говорит.
Будущего не было и нет.
Быть друзьями у нас нет причины.
Прощаться б на сто лет,
Поколение пепси, дети капучино.

«Бушует страсть, пылает пламя...»

Бушует страсть, пылает пламя,
И взгляд мерцает в темноте.
Что за напасть? Да это знамя,
Любви твоей, любви моей.
Встречая отблески созвездий
В твоих глазах, я таял весь!
Сидел и ждал твоих известий,
И там и тут, и там и здесь!
Бросался в бездну и летел,
Не видя дна, не видя края.
И в этой летней духоте
Нашел с тобой ключи от рая!
Бросая в топку стопки книг,
Что написал, не зная вкуса
Твоей любви, я понял, миг
С тобой – мой пик искусства!

«Быть среди нелюбимых детей...»

Быть среди нелюбимых детей,
И не нужных, никчемных родителей,
И думать, что вы все – не те,
Удовольствие так сомнительно.
Мы смотрим в глаза, улыбаемся,
Ты видеть меня рада словно!
Но прежде, чем мы попытаемся,
Покажи мне свою родословную.

«БЫТЬ ТВОИМ, ТЫ ЗНАЕШЬ, БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНО...»

Быть твоим, ты знаешь, больше невозможно,
Как любить тебя хотя б чуть-чуть поменьше...
Между нами – важно, между нами – сложно.
Я люблю, ты любишь – это простые вещи.
Между нами много нам вещей не нужных
Вроде ЗАГСа, секса, вроде обещаний.
Обещал когда-то не любить замужних,
Ведь все зло по факту позже возвращали.
Быть твоим, ты знаешь, вряд ли мне возможно.
Спать с двумя – на совести большая трещина.
Я люблю? Быть может. Печально. Тошно.
Как же забыть тебя, чужая женщина?

«Вдали сверкает изумрудный город...»

Вдали сверкает изумрудный город,
Автомобили движутся неугомонно,
Но скоро все замрут и уползут по норам:
Недолго до суда осталось.
Меня поймет тот человек, который верит в Бога.
Или хотя бы в справедливость. Хоть немного.
Я с Бахом налегке бегу за город и возвращаюсь, лицезрея
человеческих рук дело.
Сверкает изумрудный город. И на душе немного потеплело.
А ведь все будет сожжено. Дотла. Каждый захочет все потом
вернуть назад...
Но жизнь одна, а на весах все чаще перевешивает мгла. Как бы
исправить все не опоздать...
Все суетятся, норовят сорвать куш да побольше – все это
классикой становится. Все это надоело!
Бегу и на ходу рисую мысли, тут же их стирая ластиком, слушая
вой тоскливой акапеллы.
Конец необратим, значит не стоит удивляться, чего все так
бесчеловечно.
Наступит гробовая тишина. Несколько раз ударит молот.
Все соберутся, приговор озвучится навечно.
Немного жаль, что будет так, ведь мне так нравится мой
изумрудный город...

«Вечер в Италии. Запах вина...»

Вечер в Италии. Запах вина,
Запах румяного вкусного хлеба.
Кто из девчонок моя тут жена?
Смотрят на вас глаза цвета неба.
Вечер в Италии. Номер в отеле.
В паспорте виза. Привет, Европа!
Мы посмотреть на вас так хотели,
В горы пойти по невиданным тропам.
Амфитеатр. Ваш Рим интересен!
Туристы здесь делают фото на память.
С улиц доносится пение песен,
Улыбки в Европе не принято прятать.
Здесь хорошо: красота и достаток,
Люди живут в комфортном режиме.
И все же внутри остается осадок:
Мы здесь всегда будем только чужими.

«Видал твоего идола, твоего бога...»

Видал твоего идола, твоего бога.
Я рассмеялся, плюнул мысленно в него.
Твой бог убог, и может лишь немного,
Хотя под его дудку пляшет чуть ли не любой.
Твой бог убог, запомни это.
Я рассмеялся как-то раз и вышвырнул его подачки.
Да, отказался от звона монеты,
Мне не нужны все эти клубы, виллы, тачки.
Я презираю то, чему отдался ты сполна.
Твой бог дешевка. Твой бог фальшивка.
Ты слеп и чашу пьешь до дна.
Ты раб. Ты быстро проглотил наживку.
Тебя волнует больше всякого из жемчуга колье.
Что может хуже быть твоего места?
Твой бог – валюта, биржи, акции, у.е.
Тебя не жаль мне, если честно.

«Вместо тысячи слов...»

Вместо тысячи слов
Поцелуем согреть твои губы,
Вместо тысячи слов
Обнимать тебя нежно, до дрожи,
Вместо тысячи снов,
Быть с тобой и рассаживать клумбы
Тех бесед, разговоров основы,
Что обрадуют взгляды прохожих,
Засыпать в волосах твоих мягких,
Понимать, что с тобой повезло,
И касаясь твоей теплой кожи,
Забывать, что творят мне назло,
И бежать лишь к тебе без оглядки,
Исписав сотни белых листов,
Стать твоим навсегда мне возможно?
Вместо тысячи, тысячи слов.

«Все мои грёзы превратились в хаос...»

Все мои грёзы превратились в хаос.
А хаос плавно превратился в слезы.
Я передумал брать десятки пауз —
Они из области смертельной дозы.
Все мои слезы превратились в ливни.
А ливни плавно затопили парус
Нашего корабля. Я всех наивней —
И это самый главный в жизни статус.

«Всем приходящим, всем уходящим... В век интернета...»

Всем приходящим, всем уходящим... В век интернета...
Ну привет, мой единственный верный друг!
Ты находишься так далеко..
Порой кажется: был бы ты рядом – не знал бы я мук,
И мне было бы так легко!
Но у нас как всегда все: не как у людей!
У меня почти вечер. У вас там ведь ночь?
Шлю конверт тебе, друг. Долетел?
Я скучаю. Мне плохо. Ты в силах помочь?
У меня все свалилось в одно, опускаются руки,
Только ты мой единственный верный друг!
Я смеюсь с твоих фото! Красивые угги!
А вот тут... Это где? Что за куча подруг?
Дружба длится не век, как придется.
Ты сегодня им друг, а завтра им враг!
Я пишу тебе. Жду, что ответ не вернется,
Вроде «Ладно, прощай». Это страх.
Ты прости, надоел я тебе, понимаю.
Просто много вложил в диалог я, пойми...
Как в последний раз, крепко тебя обнимаю,
Ведь я знаю: когда-то захочешь уйти...

«Все мы любим милых, сильных...»

Все мы любим милых, сильных,
Властных и богатых.
Все мы любим звезд из фильмов,
Все мы... Глуповаты.
Знаешь, тут вопросы есть...
Их – целая куча.
 Попрошу тебя присесть,
Я их здесь озвучу.
Кто полюбит некрасивых?
Кто полюбит слабых?
Кто полюбит несчастливых?
Кто полюбит старых?
Кто признается во всем тебе?
Кто всех уважает?
Кто из нас сочувствует беде,
Когда она чужая?
Кто чужому счастьем рад?
Кто всегда поможет?
Не взирая на преграды,
Кто любит прохожих?
Я сегодня был красив,
Был здоров, был молод.
С женщинами был игрив,
Не знал, что значит голод.
Глазом вроде раз моргнул,
А уже морщины! —
Повернитесь под иглу,
Пожилой мужчина.
Слабым, старым, некрасивым
Станет каждый-каждый.
Голосом слегка плаксивым
Спросим мы однажды:
Кто полюбит некрасивых?
Кто полюбит слабых?
Кто полюбит несчастливых?
Кто полюбит старых?

«Все мы надеемся только на завтра...»

Все мы надеемся только на завтра.
Завтра наступит лучшая жизнь.
Когда я споткнулся и надломался,
То говорю – ты до завтра держись.
Завтра изменит мое настроение,
Завтра удача меня не покинет,
Завтра я стану богаче, успешнее,
Завтра меня кто-то точно обнимет.
Завтра я стану умнее, бесспорно,
Стану держать язык за зубами.
Завтра я буду добрее, наверное,
Не заслужу, чтоб меня отругали.
Завтра смогу, что угодно, смогу,
Меня не собьет никакая преграда.
Завтра добра пожелаю врагу,
Знаю, что все будут этому рады.
Все хорошо в моих этих мыслях,
Но вот же в чем кроются козни:
Проснусь, желая скорей измениться,
Но только уже...
Сегодня.

«Все точно будет хорошо! Все будет так, как ты задумал...»

Все точно будет хорошо! Все будет так, как ты задумал.
Все, что тебя тревожит, как страшный сон вот-вот уйдет.
Еще вчера ты там стоял под пистолета чьим-то дулом,
Сегодня в доме на диване, и полностью забыл про йод.
Все будет точно хорошо! Ты верь, как дети верят в чудо.
Все будет хорошо: и у тебя, и у соседей твоих дач.
Вот-вот избавишься от зла, скажешь: «Долой, долой причуды!»,
И с легкостью решишь сотни невысказанных задач.
Повыше нос! Наш мир огромен, и вариантов всех не счесть.
Не опускай же свои руки, если твой час уже прошел.
Я знаю точно: радость, счастье и покой – все это есть.
Все будет точно хорошо?
Да, хорошо. Вопрос решен.

«Все, что было раньше, я уже не помню...»

Все, что было раньше, я уже не помню,
Просто забываю, считаю неправдивым.
Слишком много было связанного с болью,
Слишком часто сам был очень некрасивым.
Все, что было раньше, я забыть пытаюсь,
С памяти стереть, как записочку на память.
Я пишу стихи вам, я просто улыбаюсь,
Но что за всем стоит заставляет меня плакать.
Все, что было раньше, колет, как иголка,
Заставляет биться сердце в диком ритме.
Помнить то, что было – в этом мало толку,
Я это душу, пусть оно даже не пикнет!
Все, что было раньше – то, что и сегодня.
Только что сегодня, это посвежее.
Все, что есть, конечно, больше не испортят:
Все, что есть, будто петля на моей шее.

«Все, что искал, я в себе нашел...»

Все, что искал, я в себе нашел.
Все, что не мог, я теперь умею.
Я исполняю ловко это супер-шоу,
И, кажется, я скоротечно тлею.
Все, чего не было, не нужно мне.
Я вижу ясно, без красивых линз.
Порою, кажется, живу в огне,
И так хочу запрыгнуть на карниз.
Не остановит меня пуля-дура.
Я из династии самых упертых.
Давай, рисуй свою карикатуру!
Я буду жив, даже мертвее мертвых.

«Все эти трудности переживу с улыбкой...»

Все эти трудности переживу с улыбкой,
Все зло забыть могу легко и навсегда,
Я даже выдержу какую-нибудь пытку,
Если она меня не бросит никогда!
Все эти годы я потратил не на тех,
И ожидания напрасны были все же.
Но кто же знал, что меня ждет такой успех,
Что ее встречу среди тысячи прохожих?!
Все эти трудности переживу, я знаю,
И многое плохое проведу спокойным взглядом.
Ни в чем, нигде не оступлюсь и не растаю,
Если она будет любить и будет рядом.

«Встречают по одежке, провожают по уму – а поговорка-то соврала!!!..»

Встречают по одежке, провожают по уму – а поговорка-то соврала!!!

И встретят и проводят ведь по кошельку! И нам же хуже, если содержимого в нем мало...

«Всюду грязь, всюду боль, всюду пыль, всюду шум...»

Всюду грязь, всюду боль, всюду пыль, всюду шум,
Всюду войны и зло, всюду страх, всюду бунт.
Мира князь хочет хаос, и он выбрал маршрут,
Где продумал давно каждый шаг, каждый пункт.
Всюду ненависть к ближним и обиды растут,
Превращая в знакомых даже самых родных.
Мира князь всем доволен, он стоит на посту,
Стережет своих слуг и наносит удары под дых.
Всюду ненависть, злость, всюду грубость и стыд.
Нас давно в эту муть с ветерком занесло.
Здесь чума для ума, виноваты в том мы,
Ведь мы сами в себе бережем это зло,
Ведь мы сами хозяева созданной тьмы.

«В обществе странных людей нет прав...»

В обществе странных людей нет прав,
И я намеренно лгу, как они все.
Лгу, что рад всему. Может, не прав я,
Но мне кажется, что я зависим.
Не героин и не градус мой царь,
Я зависим от общества скверного.
Зря не слушал когда-то отца,
Зря когда-то влюблялся, наверное.
Капитан милиции, правда, в отставке,
Говорит мне: «Дима, помалкивай!
Знаю, клады ты ищешь, как сталкер,
Но сожрут же тебя эти шавки!
Не пиши ничего. Для кого тут?
Купи Nokia шестнадцать и два нуля,
Устройся куда-нибудь на работу,
И забудь про ученья телят.»
До рвоты. Молчи, молчи, молчи...
Если прав, то молчать не можешь.
Правота давит, как кирпичи,
Особенно тех, кто чуток помоложе.
А с другой стороны я и сам, словно рыба.
Мое слово ведь нужно и подлецам,
Чтобы вырвать его и обрушить, как глыбу,
Когда выгодно будет истцам.
Сечешь? В ком увидишь ты многоборца,
Что в берцах полжизни дворцы топтал,
В том увидишь чертовку из «Бона Сфорца»,
И поймешь, что ты в лапы попал.
Зверье. Гиены. Детдомовские прислуги.
Избалованные детишки, и не нужное всем старье.
Не нужны гигиены услуги,
Нужен рубль и мешок с враньем.
Здесь нет веры. Играют в живых людей.
В «Молоко» пьют довольно фисташковый латте
Одержимые глупостью разного рода идей,
В модном премиуме приматы.
Ты найдешь меня где угодно.
И той встрече я буду рад.
Я давно не боюсь ни условий погодных,
Ни каких-то дешевых преград.

«Вот и выпал снег, на шапку, на асфальт...»

Вот и выпал снег, на шапку, на асфальт,
Белыми полями зеркалит взгляд мой скромный.
Я иду дорогой, jeden jahre Alt,
Неудобной, грязной, насквозь обувь мокнет.
Кто же мне поможет, если заблужусь?
Кто искать начнет в этой пурге январской?
Отчего же я мало чем сгожусь?
И неужто нужно мне пропасть напрасно?
Снег замел весь лед, я и не заметил,
Шел, как будто слеп был. Естественно, упал.
Задумался над тем: я вел себя, как дети,
Выводы не делал, если жизни беды быстро миновал.
Погибать в безлюдье, в тишине, в покое,
Так легко и просто, если ты покоя долго-долго ждал.
В этом тихом поле, в этом тихом вое,
Не спеши же плакать, коль в дороге смерти наконец упал.
Умирать сегодня, стало быть, не страшно.
Наша жизнь не вечна, так хороша местами,
Где погибнуть можно,
Но не в рукопашной. Знаю всему цену.
Пусть и мне узнают,
Когда меня не станет.
Пусть и мне узнают, когда меня не станет...

«Вы так непонятны, красивые дамы!..»

Вы так непонятны, красивые дамы!
Кофейные бедра и губы черешни!
Терпеть не могу мелодрамы и драмы,
Но только такие меня тащат вещи.
Вы дарите ласку, тепло, поцелуи.
А я на вас только гляжу и гляжу.
С весельем проводите вы сабантуи,
А я вокруг этого молча брожу.
У вас хорошо, но для вас да и только.
И алые губы в улыбке плывут,
Но для меня то, что сладко вам, горько,
То, что подходит вам, мне не уют.
Вы дарите нежность, в любви умирая,
И медом своим наполняете соты.
Вы будто цветы из небесного рая,
Но ваши сердца украдут... Идиоты.

«Где мои друзья?..»

Где мои друзья?
Там, где улыбок больше, чем обид и злости.
Где мои друзья?
Там, где любовь, тепло, не перемалывают кости.
Где мои друзья?
Там, где и в радости, и в горе не отвернутся от меня.
Где мои друзья?
Там, где поддержат, приобнимут и не обвинят.
Где мои друзья?
Там, где спокойно, хорошо, где накрывают пледом.
Где мои друзья?
Там, где угостят голодного вкусным обедом.
Где мои друзья?
Там, где поменьше криков, ссор и зависти.
Где мои друзья?
Там, где нет ни у кого желания напакостить.
Где мои друзья?
Там, где понимают с полуслова, там уважают.
Где мои друзья?
Там, где нет места злему, там не обижают.
Где мои друзья?
Там, где я чувствую себя как дома, где уют.
Где мои друзья?
Там, где не смотрят косо за спиной, не предают.
Где мои друзья???

«Глупо было бы считать, что я останусь прежним...»

Глупо было бы считать, что я останусь прежним.
Врешь в глаза и думаешь, что я тебе поверю,
Ложь искусно вышитую на себя примерю,
Буду, как и раньше, милым, добрым, нежным.
Глупо было бы считать, что я любить способен.
Твоя цель – это сорвать кусок, да пожирнее.
Для меня ты просто лишь цветок в оранжерее,
Растение, каких в этой системе сотни сотен.
Глупо было бы считать, что я с тобой останусь.
Для тебя цель жизни – утопать среди развлечений.
Я не жду от жизни лишь гольфстримовских течений,
Но от таких, как ты, я с нервным тиком отчуждаюсь.

«Говорил, что последний стих...»

Говорил, что последний стих.
Говорил, что поставил точку.
Но соврал. Хоть, конечно, затих,
И, конечно, с тобой закончил.
Некрасиво расстались мы будто враги.
Говорят, так не нужно делать.
Ты меня повидала другим.
Не привязанным больше к телу.
Они смотрят. О нас говорят.
И пускают какие-то слухи.
Большинство выливает яд.
Большинство потирают руки.
Тяжело тебе было, пишешь.
Знаешь, мне было точно хуже:
Когда я из последних шептал потише,
Что же слышали твои уши?
Не в упрек я пишу, поверь.
Ты же выпустила вон зверя,
Помогла мне закрыть ту дверь,
Где закрыло б ее лишь время.
Я не сказка, увы и ах.
Так сложилось, что я был хорошим.
А на чьих мы сейчас местах,
Если мы не чувствуем дрожи?
Мы вернулись, куда должны.
Я хочу теперь быть счастливым.
Хочу руки чтоб были нежны,
Чтобы заботы были приливы.
Я сейчас отпустил железно.
Не тебя, а обиду и ненависть, злость.
И что там куда бы ни лезло,
Я, как пес, буду грызть только нужную кость.
У тебя растет сын непослушный.
Ты ему свои силы, любовь отдай.
И ты не товар б/у-шный,
Просто ты перебрала всего через край.
Я тебе пожелаю счастья,
Да такого, чтоб денег всегда хватало.
Я тебе пожелаю стать частью
Человека, которому ты досталась.
Мы – это лишь история,
Яркая вспышка чувств нефильТРованных.
Бестолковая горе-история
Чужих губ чересчур зацелованных.
Я простил тебя от души.

Я действительно зла не держу, ибо
Отнеслась ты ко мне паршиво,
Но исправилась. Просто спасибо.
Все, что было, то просто память.
Все, что было, все скоро забудут.
Никому не придется плакать,
Не придется и выглядеть глупо.
Так закончится этот мотив.
Так обрушится мысль глыба.
Помогла отпустить негатив.
И за это тебе спасибо.

«Говорят, поэт должен быть нищим...»

Говорят, поэт должен быть нищим,
И, наверное, вечно голодным,
С шевелюрой лохматой, не чищен,
И, наверное, вовсе не модным.
Говорят, что поэтом легко быть,
Только так говорят не поэты.
«Пописать? Это вам же, как хобби,
Как свободы глоток, где запреты».
Говорят, что поэт – сексуально,
Поточнее: лишь то, что он пишет.
Только должен писать не банально,
Словом жечь и искрить покрасивше.
Быть поэтом, призванье, наверно,
Никакого труда не составит
Написать целый том сочинений.
Ремесло это их не состарит.
Нужно словом орудовать хлестким,
Но обидеть, задеть им нельзя же.
Нужно думать, что слово Сваровски,
Означает «сварить», но с винтажем.
Да, поэтам-то ночью не спится,
Но ведь это – их личная прихоть,
Пописать можно днем, говорится:
Сядь за стол, своей ручкой при хоть!
Поэт должен всегда, все обязан уметь,
Завсегдатай везде, и ваш верный угодник,
Должен он понимать все, терпеть,
Он обязан любить, и все помнить.
Обо мне что сказать: да, поэт я,
Но фантазиям вашим не должен,
Как хочу, так и буду тут петь я,
И решать буду я, что мне можно.
Как хочу (не иначе), так буду одет я,
Как хочу, так и будет. Неважно,
Чем займусь, где же будет это,
Ради смеха (не вас) заживу эпатажно.
Как хочу, так пишу. Слог коряв? Мне по нраву,
Не признал ни хорей, ни ямбы, ни такты,
Ни контракты, ни акты, и вашу отраву,
Что поэт «это тот, кто...» до дна пил – и это постфактум.
Меня помнят тут с самого детства,
Я обычный дворовый подросток,
Что не смог отыскать себе место
Среди всех остальных. (Да, так просто).
Я правдив и не лью людям грязи,

Приукрашивать слово я вам не стану.
Я не рвусь ни в «поэты», ни в князи:
У империй сегодня свои есть Османы.
Я безвкусный и пресный для вас порой.
Очень жаль! (Да ладно, не верьте!)
Настоящий. Уверенный. Вам не свой.
(Пока популярность ждет моей смерти).

«Гордая птица на краю скалы...»

Гордая птица на краю скалы,
Она стоит, готовится к полету.
Обрыв высокий, километра три,
Но ей не страшно, ни на йоту.
Сорвалась, крылья мощные раскинув
И ринулась что силы есть в темную бездну,
Забыв, что может просто согнуться,
Если чуть-чуть хотя бы вера треснет.
Застыл усталый, неподвластный птице свет,
Она летела, и летела, и летела...
Очнувшись вдруг в один момент,
Застыла в ужасе, ведь она падала, сгорала, тлела.
Тайфун окутал землю, небо вспенилось и потемнело.
Крыло сломалось – не порок совсем; не в счет усталость,
Но как искусство просит жертв, так и перо лишь правду стелет:
Живой мертвец уж не жилец, ему чуть-чуть осталось.
Казалось бы, в любой другой отрезок времени, ни одному
до погибающих ведь дела нет,
Но в каждый раз, каждый из нас виновен, коль даже ненароком
худо делает...
Из-за чего повсюду слышен злобный, желчный и довольный
скрежет?
Тебе ль не знать: злорадство ни за что до слез и боли доведет,
тупым ножом дорежет.
Ты не поймешь. Ты не найдешь ответа.
Ты знаешь, все пройдет. Пройдет и это...
Не ставлю крест, надеюсь, что ей повезет под ветром,
Хоть маловероятно, но я помню: падать ей три километра.

«Город больших возможностей, больших проблем...»

Город больших возможностей, больших проблем,
Город больших надежд и разочарований.
Город злой порой, он нравится не всем,
Разве что любителям вечных испытаний.
Город бетона и машин, город науки,
Город открытых казино и газировок.
Город парковок, КГБ, тянущих руки,
Город боли, счастья, передозировок.
Город зла, кощунства, город постов, молитв,
Город промышленных гигантов века.
Город доброты и заказных убийств,
Город для животного, для человека.
Город шума, пыли, город контрактов.
Город слишком крупный, город слишком мелок.
Город нужных и нежелательных контактов,
Город оригиналов, город подделок.
Город сейфов, денег, город перспектив,
Город для бомжей, город для любого.
Город музыкантов на любой мотив.
Город – место дьявола и место Бога.
Город супермаркетов, город развлечений,
Город фитнес-центров и алкоголя.
Город церквей, больниц, город заключений,
Город проституток, город сверхконтроля.
Город быдла, город нищих бизнесменов,
Город крепко вжатых в голову скоб.
Город достойных, город спортсменов,
Город серой массы, город калейдоскоп.
Город встреч, разлук, противостояний,
Город мира и военного бинокля.
Город грязи и город расстояний,
Город то любим мной, то навеки проклят.

«Границ априори нет ...»

Границ априори нет —
Ты сам себе строишь козни,
Ты сам себе роешь ямы.
Страницы прожитых лет
Становятся опытом поздним.
Тот опыт – одни изъяны.
Сбегающих вникуда
То ропот, то топот ног
Покажет, как кто-то смог,
Скатиться через года
С человека до обезьяны.
Он скажет «не повезло»
И молча уставится в пол.
А ты не глупи, в начале пути
Думай своей головой
И не будь ослом.
Спроси перед тем, как идти,
Спроси себя: кто я, кто?
Что нужно сейчас? Что потом?
Важнее добро или зло?
Остаться или уйти?
Есть выбор, и не рандом,
Каким все связать узлом!

«Да будут преданы огласке все строки этого прощального письма!..»

Да будут преданы огласке все строки этого прощального письма!
Пишу тебе, мой друг, тебе-тебе! Признателен тебе буду надолго
и весьма,
Если читать возьмешься, и, более того, хоть что-то попытаешься
понять.
Мне двадцать два. С тобой я говорю давно. Когда я начинал, то
думал – не унять,
Однако я сдаюсь. И огорчен, и более не верю в то, что было
смыслом жизни.
Бывало, с ночи до утра писал и оставлял тебе записки.
Ты не читал. Я говорил – не кисни,
Ну может человек устал, забыл. Да мало ли бывает вариантов?
И среди прочих дел,
Все так же оставалось написать тебе – важнее! Но ты не уставал,
не забывал. Ты не хотел!
Ты просто не хотел, а я искал в себе ошибки, и думал, что же делаю
не так!
Сейчас, пожалуй, наступает эдакое время, в котором всем
не важно кто ты, и неважно как
Живешь. Сейчас важнее в чем одет, на чем приедешь на обед,
и прочий сор.
Не то чтобы я люто ненавижу современных, но игнорировать
мораль – позор!
Я понял, отчего тебе не нужен: нытье не нравится, серьезность,
справедливость,
А нравится шутить по-черному, себя уничтожать, изображать
к хорошему брезгливость.
Все просто: скучен я, ведь мне бы делать лишь добро, и дальше
носа я не вижу.
Гниет нутро, товарищ. У тебя будут дети, а воспитать их будет
словно заработать грыжу.
Тебе сейчас это неважно, ничего, годы летят и рассыпаются, как
брошенный песок,
Сегодня молод и красив – а завтра болен, мало сил, как будто
выжали весь сок.
Ты не серчай, тебя я больше донимать не стану. Я отложу тебе
записки на какой-то срок.
Когда захочешь – заходи, тебя покорно будут ждать мои скопления
скучных строк.
Найдешь в них радость, боль, нравоучений горсть и даже чуточку
смешного.
Я знаю, что ты точно не мой лучший гость, но мне достаточно
вполне такого.

Я создал краткий курс, листай страницы неспеша, до дыр затри,
чтобы понять их вкус!
Когда устанешь – посмотри, как много с кем ты должен
поделиться. Ты же не трус,
Не будешь больше из углов тайком таращиться на то, что для тебя
оставил!
Ты только помни, что у каждого хотя бы раз должна мелькнуть вся
эта куча правил.
Когда устанешь спать нетрезвым, когда уйдешь от первой, может,
от второй жены,
Когда поймешь, что ты с женой в роли родителей уже давно, но вы
им, детям, не нужны,
Когда поймешь, что воровал кирпич для дома совершенно зря,
когда в СИЗО
Отправишь весточку ребенку, когда опустишься до самых
низменных низов,
Когда не сможешь больше плакать, хладнокровно выпроводив
близких из аэропорта,
Когда за внучку выпьешь, и не раз, но твоя дочка равнодушно
сделает аборт,
Когда останешься один, когда уйдут родители в иное измеренье,
когда подставят и не раз
Твои друзья, которыми так дорожил, когда поймешь, что толком
и не жил, когда приказ
Нарушить не посмеешь, когда заснуть не сможешь, и когда все
потеряешь,
Но более не обретешь, пойми: а начинать-то надо было с малых
лет. Кому ты доверяешь,
Тот явно что-то прячет от тебя. А я не прячу ничего совсем, но ты
проходишь мимо,
Но, если понял что-то, хоть и поздно, ты поделись с другим: ты
покажи ему картину,
Со всех сторон. Пускай сейчас ему шестнадцать, пускай умнее
всех, пускай.
Зерно, посеянное с малых лет, однажды даст свой плод. Уж мне-
то это ой как знать!
Ты не серчай, что я тебе опять ничего важного и интересного
не смог подсунуть,
Ведь это было самое открытое, последнее прощальное письмо!
Это последний мой рисунок,
Словно малыш рисует маму, папу и себя – счастливую семью,
но сделать ничего не смог.
Много чего тебе оставил я, прощай! И да поможет на твоём пути
тебе твой Бог!

«Давай же, будь собой, давай, играй свои роли!..»

Давай же, будь собой, давай, играй свои роли!
Пока свою я спрячу под стол, на антресоли.
Давай же, двигай к цели и делай это метко,
Я тоже буду двигать, как ты, за три конфетки.
Давай, будь честным что ли, хотя б в поход к врачу.
Я правду тоже спрячу, я тоже промолчу.
Давай ты честным будешь, кристальнее воды.
Я тоже таким буду, все ж ради выгоды?
Что я тут делаю? Ради чего стараюсь быть?
Зачем чернить систему, против течения плыть?
Что я за человек? Зачем конфликт искать?
Зачем стараться худшим врагом людей всех стать?
Досье готовит кто-то под запись на CD.
Зачем собой рискую? Отвечу не в сети.

«Да, я ГОТОВ ЖИТЬ...»

Да, я готов жить.
Жить – это как цветку расти водой поливаемым.
Только бы сорняком не стать и недругов не нажить,
Когда стану легко узнаваемым.
Я готов жить честно, открыто,
Не стесняться чужих ничуть,
Только б знать где собака зарыта:
Какой путь не ведет к мечу?
Я мечтал и убил мечтателя,
Я любил, но познал лишь ненависть,
Я писал и убил писателя —
Мне пора изменять свою летопись.
Жить готов, пусть не сразу все вяжется,
Жить готов, забыв про огорчения,
Но порою мне вовсе кажется,
Будто жизнь не имеет значения...

«Дворец диковинный предстал пред очами усталого путника...»

Дворец диковинный предстал пред очами усталого путника.
Многое он повидал в жизни зрелой: и горе, и радость,
Но возжелал поглядеть мир глазами невинного узника.
Дело нехитрое сделано было, и вор оказался в темнице на старость.
Сырые и мрачные стены, решетка и небо едва ли виднеется.
Жестокие и беспощадные, как лютые звери снуют надзиратели.
Похлебка червивая с талией силами мерится.
Вопрос возникал: что ж за нелюди места такого создатели?
Нары клопами насквозь изъедены и изувечены,
Окровавлены ноги, безжалостно скованные кандалами,
Время втрое длиннее мерещится, сон скоротечнее,
Смерть подругой становится, тешится, извиваясь, скользя под ногами.
Не видать ни причудливой формы башни, ни девиц у сада,
Воздух чистый не властен в кромешной тьме.
Беседы, что жить там добротню есть небылиц улада,
И от жажды опыт постичь такой стало давно уже не по себе.
Испокон веков всем известно, что от худа не станут люди добрее,
И старик осерчал, возненавидел мир, но в глубине души
Мечтал об услугах цирюльника и брадобрея.
Жизнь написать свою заново бы... Только сломаны карандаши.
Лишь когда перестал старец передвигаться,
Стражи вынесли полуживое тело за стены дворца.
Долго сидел на земле он, и, плача, вдруг стал улыбаться,
И со словами «свершилось» замертво пал, разрывая прохожих сердца.
Мало кто ради познаний способен пойти на такое:
Страдать, терпеть, голодать, в плохих одеваться одеждах.
Но только запомнить тут надо другое:
Возможно всегда выжить только имея надежду.

«День самой грустной радости...»

День самой грустной радости
На пыльных полках у многих лежат черно-белые фотографии,
На них невеселые люди, военная техника, форма с наградой.
Нам оставили память тех дней в кинолентах, учебниках,
Вот и знает мое поколение о лагерях и про битву под
Сталинградом.
Много людей полегло: кто за будущее твое и мое, кто по приказу,
Кто по случайности в землю в конце только слег, а кто-то и сразу.
Как свистят смерти пули и выглядят рваные раны,
Как стонут в больницах солдаты и как выживают детишки,
К счастью, с тобой мы, мой друг, ничего абсолютно не знаем,
Но лишь день посвятить в году памяти точно не будет ведь
лишним.
Прогремит вам салют в день Победы! Спасибо, родные!
Мы запомним навеки, какой заплатили вы счет.
Среди прочего зла, что творится везде и повсюду отныне,
Запомним, что нет на всем свете страшнее войны ничего.
Мы запомним подвиги и не забудем имен, не забудем сражений
названий.
Мы забудем только то, что своих же грабили партизаны...
Мы забудем совсем имена предателей и капитанов-бездарей,
И прежде чем восхвалять за доброту всех наших и быть лжецами,
Мы вспомним: фашисты дедов, как капусту резали,
Но и наши деды ведь делали то же самое...
Прав и не прав – в военное время неважно.
История вечно лжет, приобретая любой узор,
Но я точно знаю: для человечества в нашем мире, любая война –
позор.
К счастью и к сожалению, от неведения и от знаний,
Празднуем вместе траур. День – девятое мая...

«Десять лет без твоего «привет...»

Десять лет без твоего «привет».
Десять лет, словно три мгновенья.
Я купил бы в прошлое билет,
В нем бы стал твоей верной тенью.
Десять лет назад я ушел совсем,
Я повел себя, будто не мужчина.
С тех пор бьюсь в очертанья стен.
Десять лет прошло. Отметим годовщину?
Я смирился? Да. И любил других.
Рвал зубами эту расставанья нить.
Я пытался видеть в каждой из них,
Лишь твое лицо. Тебя не забыть...
Десять лет прошло. Как же тяжело,
Видеть твои фото, свадебные фото.
У меня к тебе, видишь, не прошло.
Как смириться: у тебя не я, а кто-то...

«Дети капучино. Дети глупой мамы...»

Дети капучино. Дети глупой мамы.
Дети тюрем, секонд-хендов, дети мелодрамы.
Дети капучино. Дети из детдома.
Дети улиц, интернета, мака, ацетона.
Дети капучино. Дети из кофейни.
Дети бизнеса, кредитов, дети развлечений.
Дети капучино. Дети пситеррора.
Дети грязи и разврата, наготы, раздора.
Дети капучино. Дети «время-деньги».
Дети фитнеса, протеста и уродства в сленге.
Дети капучино. Дети путешествий.
Дети извращения, гомосексуальных шествий.
Как вы мерзки все же, дети капучино!
Вы больны, противны, злы. Вы неизлечимы.

«Дзесьці шчасце маё згубілася...»

Дзесьці шчасце маё згубілася,
Мяне блытае задаволенасць.
Мару, каб многае зараз забылася,
Каб загінула ўвогуле стомленасць.
Трэба крочыць далей, наперад.
І змагацца патрэбна заўсёды,
Супраць зла, супраць новага мэра,
Не чакаць непатрэбнай няўзгоды.
І я крочу далей, і з усімі сябрую,
І кахаць мне людзей падабаецца.
А калі дастаю зброю і крыўдую,
Думай так: дык ён проста гуляецца!
Я жывы. Не забыў сваю родную мову.
Мне краіна магутнаю снілася.
Ведай: зробім для ўсіх пабудову,
Хоць і шчасце маё згубілася.

«Дикие нравы буйной головы тебя отчаянно выбрасывают вон...»

Дикие нравы буйной головы тебя отчаянно выбрасывают вон.
Шепча от злости, брызгая слюной, ты выделяешь яд.
Я продолжаю досаждать тебе, уехав, уж полгода, за кордон,
Я продолжаю унижать, и бить, и ненавидеть – все подряд.
Тебя пленили безголосые чудовища и шоу с телеканалов,
Тебя свернуть в фольгу беспечия и дурости – легко.
Тебя манили идиоты, идиотки, диссиденты, маргиналы,
Все нравилось тебе, что я презренно отвергал плевком.
Ты тихо в пол глядела, когда тебе кричал о равнодушии,
Ты обижалась, если я не церемонился со злости со словами.
Привыкла из себя делать ребенка с переломанными вмиг
игрушками,
Не замечая, что сама виновна в том, что взрослые тебя сломали.
Ты так же сильно любишь творчество Есенина,
Как я не нахожу в нем стоящего знамени любви!
Мне кажется, что между нами изначально все было потеряно,
И зря я не ушел, когда ты в первый раз сказала «Уходи».
И я старался изменить тебя, старался, как умел.
О да! Конечно, я совсем не идеальный – волк, раз вою!
Даже не знаю, жаль или не жаль, что дальше дорисует мел,
Мой странный путь, где нет больше тебя со мною.

«До боли знакомый маршрут истоптанным кедам не страшен...»

До боли знакомый маршрут истоптанным кедам не страшен,
И если уж честно, чем старше и больше избит, тем он краше,
И если останусь совсем одиноким, как в пятницу и воскресенье,
Приму этот груз, как положено. Да, я сорняк среди этих растений.
Да, я таким был всегда и всегда в некой мере им буду,
Но зачем же молоть это все, собирать в одну ступу?
Не знаю, зачем вы так рветесь со мною сегодня сжигать мосты,
Ведь я к вам давным-давно сам охладел, давным-давно сам остыл.

«Дует прохладный ветер, мерзнут ночные гуляки...»

Дует прохладный ветер, мерзнут ночные гуляки,
Дрожит брезентовый лист в тонких руках забияки,
Пугливо по сторонам смотрит бегущий пес,
Вальяжно и не спеша волна омывает утес.
Падают листья вдоль... Набережной тротуаров,
А значит, приходит осень, пленя мосты и бульвары.
Лето ушло в закат, улыбки ушли в долгий путь. Пусть...
Капает дождь сентября. Привет, городская грусть!
Наброшенный шарф на пальто, согреет едва ли, едва.
Я так тебя, осень, люблю... (Шуршит листьями «ну да»)
Поэт, что не властен властям, языкам и сомненьям,
Что гордо стоит на своем, до конца или изнеможенья,
Сложив тихо руки на темных холодных перилах,
Сдается красавице, стройной, манящей и милой!
Смотри, как она величава, смотри, как она игрива!
Смотри: господствует осень, до чего же она красива...

«Если бы дом мой был стратосферой...»

Если бы дом мой был стратосферой,
Мне кометой сгореть довелось бы.
На Земле же остаться примером,
Я рожден из-за властной просьбы.
Легче жить, осознав: я – не я,
Просто сгусток, комок и сплетенье,
То опасен, то сам для битья,
А учусь через сновиденья.
Мне казалось, что я сердцеед,
Обращаю взгляды в магнитные бури,
После жертвы тащу под свой плед,
А в итоге страдаю от дури.
Мне казалось, что я так силен,
Точно так, как правители древних династий,
Оставаясь извечно вдвоем
С властелином ужасных пристрастий.
Высота твоя где, человек-калека?
Неужели в прорыве прогресса,
Где зависимость от таблеток,
И преследует грязь, негатив и стрессы?
Да, ты выстроил этажи, высотой сотни метров
И видеть рад птиц перелетных,
Но какой в этом толк, скажи? Коль, наверно,
Ты прячешь лицо в подворотнях?
Океаном моим был бы дом,
Я писал бы другие, хорошие вирши,
И не думал бы вовсе о том,
Что там станет с той лондонской биржей.
Коль живу, будто я сам не свой,
Отчего же свободен мой выбор?
Неспеша происходит в системе сбой,
Из которой я только что выбыл.
И все ново теперь для меня:
Дом – Земля, и на ней можно жить иначе,
Искать место свое, других не виня,
Ведь я молод, свободен тем паче.
Здесь мой дом, мои братья, родители, гости,
Здесь мне нужно свой век пробыть.
Если можешь, не мой мои кости:
Учусь заново жить и любить...

«Если весь мир – театр, то ты не в главной роли...»

Если весь мир – театр, то ты не в главной роли.
Если весь мир – кино, то ты его не видишь.
Если весь мир вдруг зло – тебе побольше боли.
Если весь мир любовь, то ты лишь ненавидишь.
Если весь мир вокруг жесток, несправедлив,
Если вокруг нет тех, кто тебя очень ценит,
Ты улыбаешься во всю, берешь сочнее сплиф,
Навеселе польстишь, и кто-нибудь тебе поверит.
Хотя, ты знаешь, друг, вот с этим не шути,
Не верь всему тому, что тяготит карман.
В моменты грусти выберешь пути,
Сегодня просто сплиф, а завтра наркоман.
Сегодня просто jont, завтра худеют вены,
Сегодня «пятьдесят», а завтра ты – алкаш.
Это не выход, друг. Решай свои проблемы,
Что не дается просто, бери на абордаж.
Я не сужу отныне, и не учу, как жить.
У каждого свой путь, свой стыд и свой позор.
Я просто дам совет, а ты решай, как быть,
Рисуй себе свой крест, рисуй на нем узор.
Я вижу часто сны и, знаешь, плохо сплю,
Хотя живу за честно добытые копейки.
На этой мысли часто себя ловлю:
Я молод, но (и как?) все сели батарейки.
Мне не дает покоя это людское горе.
И часто рассуждаю: это нормально ли,
Что люди копят (уйма таких историй),
На смерть с трудом добытые рубли?
Только представь себе, насколько это жутко,
Терпеть всю жизнь невзгоды, тяготы судьбы,
И собирать на гроб, рассказывая прибаутки,
Не видя выхода из жизненной тюрьмы.
Очнись! Весь мир – театр, но ты не в главной роли.
Весь мир – кино, но ты его не видишь.
Весь мир из зла – тебе побольше боли.
Весь мир любовь, а ты лишь ненавидишь...

«Если жизнь автобан, я иду, вероятно, пешком...»

Если жизнь автобан, я иду, вероятно, пешком,
Если жизнь, как тюрьма, как СИЗО, то я на свободе,
Если жизнь тяжела, я ее проживу со смешком.
Если жизнь – это власти мирок, то я при народе.
Если жизнь заключается в деньгах, я нищий навеки,
Если жизнь тянет всех по низам, я взлечу, как Икар,
Если жизнь мир животных, то я хочу быть человеком,
Если жизнь – это гонка, то я не явлюсь, как авто с блаблакар.

«Есть всего два состояния и две вселенной...»

Есть всего два состояния и две вселенной,
Одна из них всегда противовес другой.
Допустим, где-то существует пленный,
А это значит рядом где-то есть конвой.
Если ты что-то нашел, то будь уверен,
Что кто-то это что-то точно потерял.
Есть только две вселенной, я проверил.
И нет такого, кто бы обе их не примерял.
Если очень сильно любишь, знаю точно,
Что чувство ненависти будет тебе не чужим.
Одна вселенная считает звезды ночью,
Вторая соблюдает свет, дневной режим.
Всегда же есть добро и зло, печаль и радость,
Всегда есть горе и веселье, нищета и пир,
Всегда есть более чем нужно и вовсе малость,
Всегда есть свет и тьма, война и мир.
Всегда бывает в нашем мире чистота и грязь,
Всегда идут бок о бок, рядом, зависть и успех.
Всегда бывает подчиненный, и, значит, князь.
Всегда бывает боль и кайф и плач и смех.
Всегда же есть возможность все исправить,
И, например, всегда есть неизменность бытия.
Даже не знаю, то ли плакать, то ли поздравить:
Всегда есть две вселенной, это ты и я.

«Есть желание складывать губки бантиком...»

Есть желание складывать губки бантиком,
И всем видом показывать: я королева!
Я мечтаю о тех, у кого много фантиков,
И не трачу себя, хоть хожу налево.
Я? Налево? Дурак, это просто кастинг!
Тебе лишь бы трепаться, смотрю, без причины!
Я ищу лишь достойного мне! Не сглазьте,
Ведь вокруг очень части одни... Не мужчины!
Я от жизни хочу получать абсолютно всё!
Мне побольше бы счастья, любви и не надо драм!
Обеспечь меня или уйди же, осёл!
Знаешь, сколько труда я внесла в Инстаграм?!
Знаешь сколько во мне красоты, ума?
Столько вряд ли вместил бы Боинг!
Я загадочна и хороша, как луна!
Ты не ценишь меня? Ты меня не достоин!
Улыбаюсь, ведь знаю таких. Их много!
Ничего нет внутри, жизнь сплошная рутина!
Я другая. Я лучше, длиннее ноги.
А мужчины вокруг все равно скотины!

«Есть тысячи причин, чтобы любить природу...»

Есть тысячи причин, чтобы любить природу,
Есть тысячи причин, чтобы любить людей,
Есть сотни способов увидеть красоту в урде,
И это стоит сотни самых популярнейших идей!
Есть тысячи причин бороться с тысячью причин,
Что так желают сделать душу нашу ямой,
В которую бросаем мы охотно зло, как кирпичи,
И отвергаем все хорошее и доброе упрямо.
Есть тысячи причин довольным быть почти всему,
Есть тысячи причин зверя убить в себе навеки,
Есть сотни способов сберечь жену, семью,
Есть сотни способов простить другого человека!
Есть тысячи возможностей, причин быть добряком,
Есть сотни способов залить жизнь перламутром.
Есть миллионы шансов избежать любых оков,
И лишь одно желание не просыпаться утром.

«Ещё один бесполезно прожитый день...»

Ещё один бесполезно прожитый день.
Ещё один раз обещаю исправиться,
Но каждый раз, будто впервые, мне лень,
И стоит признаться: мне это нравится.
В поисках женщин, общения с ними,
Вечер проходит, он мчится, как Volvo.
Слева выходят с букмекерских линий
Лица, которым не скажут: довольно!
Серые улицы прячут лобмарды,
На Ленина ходят вальяжно дешевки,
Противные люди, как крысы, бастарды,
Что вьют свои сплетни будто веревки.
Костел величаво на все это смотрит,
А рядом находится наш КГБ.
Наверное, что-то он всё-таки портит,
Я б его сжег, но нет справки 7Б.
Так бы сказали: вы, сударь, больны,
И я б, улыбаясь, признался: конечно!
Меня б обвязали канатом стальным,
Но отпустили б: ведь я покалечен.
Ладно, открою вам страшную тайну:
В мыслях своих вечно что-то я жгу,
Но что, не скажу: собаки в онлайне,
Они только это внимательно ждут.
С моста до кольца едем сто сорок,
Мы молодые, нам можно, отстаньте!
Лучше уж так, чем быть в рабстве косоного
Или системы: то сядьте, то встаньте.
Трезвость – характер и выдержка воли,
В салоне поют что-то нам злые негры.
Мы рассуждаем про бизнес, про доли,
И что прикупить на соседнем Allegro.
Ну как тебе та? А как тебе эта?
Сколько их было запомнить не в силах.
Эта не очень, а та, как комета!
В «Колосе» девочка очень красива!
Ножки ее хороши и она – королева!
Пишет в тетради, увы, не об этом.
Наверно, такие не ходят налево,
Наверно, такие живут для поэтов.
Играть на бильярде наскучило, правда,
Кофе в «Алми» паршивенький, честно,
Но я убиваю свой день, так как травма
Меня не пускает занять свое место.
Что-то заметил, о чем-то подумал,

И снова убил мне подаренный день,
Снова пойду, как стемнеет, под утро
Вернусь незаметно домой, будто тень.
В жизни бывают такие моменты,
Все валится с рук, ну хоть ты убей!
Но знаешь чего я боюсь аж до дрожи?
Без цели, без пользы прожитых дней.

«Женщине нужен мужчина, как кораблю маяк...»

Женщине нужен мужчина, как кораблю маяк,
Как кораблю глубины, как океану моряк.
Женщине надо свободы, но только совсем чуть-чуть,
Как кораблям непогоды, как мелководье ручью.
Женщине нужно быть важной, и защищенной от бед,
Во время сомнений и горя услышать его «Привет!».
Женщине нужно слышать, как любят ее и ждут,
Как без нее тоскливо, как ее чувства жгут.
Женщине нужен мужчина, не мальчик и не слабак,
Женщине нужен смелый, как для индейцев вожак.
Женщине нужно быть слабой, но только совсем чуть-чуть,
Чтобы во время испуга прижаться к мужскому плечу.
Ведет все к тому, что можно вместить всего в одну строчку,
Не упустив ничего, поставить жирную точку:
Женщине надо такого, чтобы был лучшим папой и мужем,
Мужчине важнее всего, чтоб он был всего-навсего... Нужен.

«Жизнь дана для того, чтобы ты успел посмотреть...»

Жизнь дана для того, чтобы ты успел посмотреть,
Как создан мир и что сделано в нем для людей.
Жизнь, как перевалочный пункт, и цель ее – смерть,
Лишь бы только успеть озвучить вам пару идей:
Жизнь дана вам, чтобы любить, учиться, долготерпеть,
Прощать и строить свой дом на бетонной основе,
Растить детей, колыбельную для них тихо петь,
Всегда мириться, не спать, если вы в ссоре;
Жизнь дана вам всем одинаково – это закон,
Его стремятся забыть, зачем-то грубо стереть.
Лишь бы успеть сделать то, для чего ты рожден,
Ведь жизнь наша так тяжела, и так легка смерть.

«Жизнь не считается со мной, но я ее люблю...»

Жизнь не считается со мной, но я ее люблю,
И пусть невзгоды мимо пробегают в спешке,
Пусть выпадет сегодня не орел, не решка,
Пусть выпадет мне то, что я давно ловлю.
Мое падение вчера – в сегодня был трамплин,
Видать не зря потратил свой живой ресурс.
Сегодня с новой силой выберу свой курс,
В котором нет печали и не играет Сплин.
Сегодня мой успех, и небо – мой гарант.
Сегодня я взлечу, пусть мне не будет больно.
Но кто-то шепчет тихо: хватит, Дим, довольно.
Ты потерял лицо. Остался лишь талант...

«Жить без усилителей вкуса...»

Жить без усилителей вкуса,
Встречать рассветы вдвоем,
Болтать до утра о грустном,
И выть, говоря, что поем.
Любить, чтоб сводило скулы,
Кричать, чтоб до хрипоты.
Готов хоть пешком до Тулы,
Чтоб взять у тебя теплоты.
Считать тебя центром мира,
Исписывать сотни листов,
Метаться по разным квартирам,
И видеть с тобой сотни снов.
На это согласен точь-в-точь,
Потому за меня ты держись!
– Так поэты могут всю ночь?
– Нет, поэты могут всю жизнь!

«Забери свое. Просто будь, как все...»

Забери свое. Просто будь, как все.
Ради благ земных будь готов на все.
Тех, кого нельзя обмануть, отсей,
Если властен, то забери хоть все!
Ради денег всех сотри в порошок,
Ради прибыли всех дави катком,
Главное, чтоб было тебе хорошо,
И карман твой был круглый год битком.
Покажи всем зубы, силушку и власть,
Покажи, как надо ходить по головам,
Что лежит не так, стоит то украсть,
А кто не добился, виноват в том сам.
Ты живи, как можешь, только не страдай.
От таких, как ты, рефлексы рвотные.
Грабь, воруй и лги, насилуй, убивай!
Ну давай, дерзай! Ты же животное!

«Закон зовет блюсти закон...»

Закон зовет блюсти закон,
А власть – в шкуре овцы волчара.
Для стада дом родной – загон.
На дне не рады, но твердят:
Зачем все начинать сначала?
Ведь все равно все по спирали
Идет и будет век идти:
Кто поглупей – крутит педали,
Кто похитрей – крутит людьми...

«За что тебя любить? За что?..»

За что тебя любить? За что?
За пряди белоснежные и нежный взгляд?
За личико милейшее, что смотрит из-за штор?
За то, что убиваешь беспощадно как разряд?
За что тебя любить? За кожи вкус как мед?
Быть может, запахом твоим я покорен?
За то, что вкусно приготовишь даже лед?
Быть может, что не злишься, не ревешь?
За что любить тебя? За волосы нежнее пледа?
За то, что не кричишь, когда сплю до обеда?
За то, что терпишь мой характер скверный?
За то, что помогаешь мне всегда быть верным?
Я так хотел быть для тебя одним – мечта мечтой...
А с одним жить, с другим дружить – кошунство!
Нет, это вовсе не предательство, ты что!
Только за что тебя любить? За что? За чувства?

«Здесь нет любви, и от меня ты ее не дождешься...»

Здесь нет любви, и от меня ты ее не дождешься,
Пусть солнце погаснет, и звезды с неба спадут.
Я не прощу, не пушу, даже если вернешься.
Для меня ты будто одна из девчонок с Vadoo.
Нет-нет, не грязная, просто я к тебе безразличен.
Ушел бы в пустыню, и был бы счастливее, чем
С тобой быть вместе, делить что-то личное-личное.
Здесь нет любви, и сердце мое, знай, остыло,
Я его променял бы на пение птиц поутру.
Здесь нет любви, и память куда-то уплыла...
Я сожгу все останки и развею их на ветру.
Здесь нет любви, ничего, ничего не осталось.
И нутро я продал бы, назло, от обиды, врагу.
Но, наверное, лучше, его ту самую малость,
Что еще осталась, для другой дорогóй сберегу.

«Здесь нет невзгод, здесь нет печали...»

Здесь нет невзгод, здесь нет печали.
Здесь ветра нет, и нет метели.
Здесь много кого мы встречали!
Здесь много с кем мы песни пели!
Тут так легко, тут так свободно.
Тут нет нужды, двойной морали.
Тут всякой душеньке угодно
Найти причал и не отчалить.
Так хорошо и так уютно.
Так тихо-тихо, беззаботно.
И птицы райские поют там,
И всем неважно, что же модно.
На карте нет этого места,
Хоть и найти его не сложно.
То место – сон. Скажу вам честно:
Лишь только в нем это возможно.

«Здравствуйтесь. Я из страны OZ или как быть мудрым...»

Здравствуйтесь. Я из страны OZ или как быть мудрым.
У меня нет никаких целей, но есть озорной язык.
Я люблю пускать пыль в глаза, посыпать их пудрой,
Демонстрировать правильной жизни азы.
Я проснулся не в том поколении, и меня тошнит.
Я устал от бездействия, грязи и глупости.
Сыт по горло всем тем, что готовит нам общепит.
Кстати, в шестнадцать выросли зубы мудрости.
Я единственный городской поэт-скандалист.
Я один из тех, кто всегда выделялся из общей массы.
Я один из тех, кто не дернется, если услышит свист.
Я один из тех, кто всегда ненавидел классы.
Занятие по ПДД. Мы с тобой, малявка, идем на кофе.
Болтаем о жизни, о трудностях, о рефлексе.
«Золотой колос». Я веду себя как? Как профи.
Ты удаляешься из друзей после трепа о сексе.
Я всегда всех зову на кофе, всегда и в любой момент.
Кто-то знает, что я иногда преследую цели:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.